
HISTORY

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 3–11, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-3-11
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(510)07

The Ethical Aspect of The Relationship between the Fifth Dalai Lama and the Emperor Shunzhi at their meeting in Beijing in 1652

Anastasia G. Lyulina¹

¹ Post-graduate Student of the World History Department of the Faculty of Humanities and Social Sciences at the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).
E-mail: alyulina88@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the history of the relationship between spiritual leader of Geluk school the Dalai Lama V (Ngawang Lobsang Gyatso, 1617–1682), and the Manchu Emperor Shunzhi (1644–1661). Their meeting in Beijing in 1642 showed Ethical Aspects of the relationship, and helped to restore the union of Tibetan hierarchy and the Chinese Emperor on the “Mentor — Patron” principle. The event was tested in the context of ethics and, as a result, showed the unique point of view of each side on this union, as well as on the “Mentor — Patron” principle. Manchu Emperor, by means of special ceremonies and titles granted for the Dalai Lama, clarified new status of Tibet and its hierarch. Therefore, official correspondence of monarchs, describing the ceremony of meeting, sharing of titles and diplomas, submitted in Chinese sources, are involved.

Ethics of the relationship between the Dalai Lama and the Emperor of China's Qing dynasty on the principle “mentor — patron” had undergone significant changes since entering into the religious-political alliance with the Sakya school and the Mongol Khan. A new utilitarian view on the relationship between the Lama and the Emperor emerged after the first meeting of the Manchu Emperor — Shunzhi and the Dalai Lama V and existed until the collapse of the Empire. In order to legitimize the power and to maintain peace in the state, the Qing emperors had to support all religions. Despite the fact that the Qing rulers paid great attention to the communication with Tibetan lamas directly, political interests took precedence over the religious ones, and the relationship between “student” and “teacher” over time, began to weaken.

Keywords: Qing Dynasty, Tibet, ethics, “Mentor — Patron”, the Dalai Lama, the Emperor.

Обзор источников и историографии

Среди исследований, посвященных истории взаимоотношений между Далай-ламами и императорами Китая в контексте статуса Тибета и роли тибетского буддизма при императорском дворе, следует выделить монографию А. С. Мартынова «Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений» [Мартынов 1978]. Согласно мнению этого известного китаиста, отношения Цин с Тибетом, как и с другими странами, устанавливались исходя из концепции «хуа-и» (Китай — варвары) и принципа статусности правителей, что прослеживается в тексте источников по истории Цин. Автор монографии «Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв.» Е. Л. Беспрозванных уделяет особое внимание роли политических и религиозных лидеров Тибета в формировании тибето-китайских отношений [Беспрозванных 2001]. Отдельного внимания заслуживает книга В. Л. Успенского о высшем тибетском монашестве при императорском дворе в Пекине. Автор в основном опирается на монгольские и японские источники [Успенский 2011]. Проблема статуса Тибета рассмотрена С. Л. Кузьминым в контексте союза тибетских иерархов и императоров Цин по принципу «наставник — покровитель» [Кузьмин 2012].

Среди западных исследователей, работавших с китайскими источниками по данной теме, следует отметить Л. Петеха (Petech Luciano), Д. Фаркуара (David Farquhar), У. Рокхилла (William Rockhill), Д. Хевия (James Hevia), Ю. Исихама (Ishihama Yumiko). Значительным подспорьем для автора послужили статьи Д. Фаркуара «Император как Бодхисаттва в управлении Цинской империи» [Farquhar 1978] и У. Рокхилла «Далай-ламы Лхасы и их отношения с маньчжурскими императорами Китая» [Rockhill 1910], в которых исследователи, опираясь на тибетские и китайские источники, излагают политические события в Тибете периода правления династии Цин.

Большая часть работ китайских авторов имеет идеологическую окраску, отражает известную точку зрения руководства КНР на зависимость Тибета от Китая начиная со времени монгольской династии Юань (некоторые исследователи указывают Тан). Автор использовал материал работы Ю Миньчжун по истории джунгаров

[Ю Миньчжун, А Гуй 1988], а также текст и комментарии к императорскому эдикту «Рассуждение о ламах» Чжоу Жуньяня [Чжоу Жуньянь]. Тибетская историография представлена монографией «Тибет. Политическая история» В. Шакабпы [Shakabra 1967].

Работа с источниками на китайском языке существенно осложняется недоступностью текстов, переизданных на байхуа (система записи современного литературного и разговорного китайского языка), а также ввиду того, что некоторые цинские документы издавались на трех или четырех языках (тибетском, монгольском, китайском и маньчжурском) и часто имели расхождения. Однако в 1970–1990-х гг. историки Китайского исследовательского центра тибетологии составили ряд сборников архивных документов по истории Тибета на основе цинских источников, упорядочили текст, расставили знаки препинания, указали даты императорских указов и эдиктов по современному летоисчислению и применили упрощенное написание иероглифов.

Основными источниками по истории тибето-китайских отношений периода Цин являются «Дай Цин Личао Шилу» (大清历朝实录 — Правдивые записи всех царствований Великой династии Цин), дворцовая хроника Цин с вводной частью о правлении первых маньчжурских императоров «Маньчжоу шилу» (满洲实录 — Правдивые записи о маньчжурах). Кроме «Правдивых записей», мы также опирались на текст компилятивной хроники правлений «Дун хуа лу» (东华录 — Записи [у ворот] Дунхуа), который был составлен в 1765 г. по специальному указу императора. Труд «Шэн у цзи» (圣武记 — Записки о войнах совершенномудрых императоров), написанный историком Вэй Юанем в 1842 г., является памятником неоконфуцианской мысли в основном по военной истории династии Цин. Автор использовал материал «Шэн у цзи» для уточнения титула Далай-ламы V, полученного от императора Шуньчжи.

Исторический контекст принципа «Наставник — Покровитель»

Во время пребывания на китайском престоле маньчжурских правителей клана Айсиньгиоро, или династии Цин (1644–1911), начинается укрепление политических связей между Китаем и Тибетом. Маньчжуры поддерживали местные традиции поко-

ренных народов, что позволяло сохранить и укрепить власть. Новая империя унаследовала китайскую внешнеполитическую концепцию и конфуцианский строй власти, однако в религиозных вопросах ключевую роль сыграли личные отношения императоров с высшими ламами тибетского буддизма, а также буддийская этика взаимоотношений между Далай-ламой и императором по принципу «наставник — покровитель» (или «наставник — ученик»).

Основы данного принципа как комплекса норм этического, религиозного и церемониального характера сформировались в середине XIII в. с заключением религиозно-политического союза лидера одной из школ тибетского буддизма и монгольского хана. Лама Сакья-пандита (иерарх школы тибетского буддизма Сакья, 1182–1251) признал верховенство монгольской власти в лице хана Годана, одного из внуков Чингисхана, в обмен на покровительство и помощь в решении различных, в том числе политических, вопросов [Shakabra 1967: 63; Laird 2006: 114–116]. Хубилай (1271–1294) также поддержал школу Сакья в распространении веры среди монголов. Пагба-лама (Дрогон Чогьял Пагпа), следующий иерарх Сакья, в 1253 г. получил от Хубилая титулы *го ши* (国师 ‘наставник государства’), *дабао фаван* (大宝法王 ‘великий драгоценный наставник учения’) [Rockhill 1910: 2], яшмовую печать правителя Тибета и распространителя буддизма в Поднебесной [Китинов 2004: 76]. Позднее, в 1270 г., он также получил от Хубилая титул *ди ши* (帝师 ‘наставник императора’) за верность хану и создание новой универсальной системы письменности¹. Пагба-лама стал родоначальником традиции отношений между государством и религией в тибето-монгольском буддийском мире по принципу «наставник-Далай-лама — покровитель-император»². Согласно этому принципу, верховный лама становился религиозным советником и наставником императора, а император покровительствовал

¹ Пагба-лама создал монгольское квадратное письмо на основе тибетского шрифта. Хубилай при вступлении на императорский престол провозгласил это письмо официальным письмом империи.

² Примером такого сотрудничества в XVI в. можно считать отношения между Алтан-ханом и Сонам Джамцо (главой Гелугпы, третьим Далай-ламой) [Мартынов 1978: 116–118].

учению и являлся милостынедателем как в Поднебесной, так и в Стране снегов (Тибете) [Китинов 2004: 77]. Действительно, императорский двор выделял немало средств на строительство и ремонт монастырей, учреждение ямских (почтовых) станций в Тибете и пр. [Рерих 1958: 340–342].

За распадом империи Юань (1271–1368) последовало ослабление связей между Китаем и Тибетом, прервалась традиция отношений монархов «наставник — покровитель», однако во второй половине XVI в. тибето-монгольские отношения были восстановлены, в этот раз монгольское покровительство получила школа Гелуг. Ученики основателя школы, Цзонкапы (Дже Ринпоче Цзонкапа, 1357–1419), возвели несколько крупных и впоследствии очень влиятельных монастырей в Тибете (Сэра, Дрепунг, Ташилунпо). Сонам Гьяцо, настоятель Дрепунга и Сэра, в 1578 г. получил от монгольского Алтан-хана титул *Далай-лама* (с монг. и тиб. ‘океан мудрости, великий учитель’) и соответствующие атрибуты статуса. Он был назван третьим Далай-ламой. Первыми двумя далай-ламами были признаны (посмертно) предшественники Сонома Гьяцо [Мартынов 1978: 116–118]. В 1642 г. Гушихан, правитель этнополитического объединения хошутов³, помог Далай-ламе V (Нгаванг Лобсанг Гьяцо, 1617–1682) стать верховным правителем всего Тибета. Местом резиденции гелугпинского правительства стала Лхаса. Китайская династия Мин (1368–1644) не препятствовала восстановлению религиозного союза между Тибетом и монголами, поскольку он позволял удерживать монгольский мир в состоянии спокойствия [Shakabra 1967: 105–106].

Согласно китайской внешнеполитической концепции «*хуа-и*»⁴, Тибет имел положение номинального вассала (番 *фань*),

³ Хошуты входили в состав объединения ойратских племен и проживали на территории Джунгарии, с XVII в. — также на территории России и области Кукунор. В 1642 г. Гушихан передал верховную власть над всем Тибетом Далай-ламе V, а в 1705 г. тибетские войска потерпели поражение от хошуты во главе с Лхавсанханом [Китинов 2004: 97–100].

⁴ *Мир хуа-и* — китайская доктрина внешних сношений, в основе которой лежало представление о мире, состоявшее из цветущего и цивилизованного Китая и нецивилизованных варваров, нуждающихся в покровительстве Поднебесной [Мартынов 1978: 37].

находящегося в ареале мироустроительного действия цинского монарха (皇帝 *хуан-ди*), а Далай-лама рассматривался как правитель вассального княжества, *внешний данник* (番王 *фань-ван*). Номинальный вассалитет выражался во «внешних» признаках зависимости — дань, дипломатические миссии и посольства — и не затрагивал внешнюю и внутреннюю политику государства-вассала. Кроме того, к середине XVII в. Тибет выступал в качестве посредника между Китаем и другими народами, что поддерживалось обменом титулами и периодическими визитами тибетских иерархов в Пекин [Беспрозованных 2005: 8]¹.

Императоры Цин (1644–1911) наследовали монгольский опыт отношений с Тибетом в политических целях: для того чтобы получить поддержку окраинных ханов и правителей, необходимо было воссоздать образ императора — покровителя учения, как было при династии Юань². Однако характер взаимоотношений Тибета и империи Цин говорит о наличии целого комплекса факторов, определивших изменение статуса Тибетского государства в китайской внешнеполитической системе. Основным отличием от минской китайской дипломатии можно назвать то, что при установлении связей с Тибетом первых цинских императоров интересовало исключительно высшее тибетское ламство и его учение, а не территория государства и ресурсы. Воссозданная при Далай-ламе V система отношений «наставник — покровитель» также во многом отличалась от изначальной.

Религиозно-политический союз государств, персонализированный в отношениях между Далай-ламой и императором по принципу «учитель-наставник — ученик-покровитель», по-разному трактовался Цинами и правителем Тибета. Для иерархов Страны снегов ключевой смысл союза не изменился со времени его возникновения: Далай-лама являлся религиозным советником и наставником императора, а император выступал в качестве покровителя учения. Цины, прежде всего, способствовали

¹ В «Юань ши» также не говорится, что Тибет являлся частью империи [Юань ши 1935: 429].

² Из нескольких школ буддизма — Гелуг, Кагью и Ньингма — Цины отдали предпочтение Гелуг как наиболее влиятельному и распространенному направлению среди монголов [Беспрозованных 2005: 66; Китинов 2004: 114].

распространению тибетского буддизма (при поддержке императорской власти) для усмирения «варваров» на границах империи, в то время как Тибет получал помощь Цинов «в мирских делах», военную поддержку и особый статус центра распространения буддийского учения. Разница в трактовке указанного принципа привела к неизбежному столкновению *двух систем и понятий — буддийской этики наставничества и китайской конфуцианской дипломатической теории*, каждая из которых к моменту встречи была давно сформирована [Мартынов 1978: 110–133].

Следует отметить, что еще со времени династии Сун (960–1279) при императорском дворе имела место философская полемика о соотношении буддизма и власти. Буддийские идеи и понятия сравнивались с конфуцианскими. Так, идея, выраженная в трактате «Мэн-цзы» в главе «Цзинь синь» («Исчерпание интеллекта»), — познание мира внешнего через постижение мира внутреннего — очень близка буддизму [Мэн-цзы чжэн и 1956: 517]. Буддизм был признан полезным для власти, а именно для *преобразования* (化 *хуа*) подданных [Ван Чжун-ло 1957]. Ключевое восприятие окраинных территорий в мире *хуа-и* также было близко буддийской этике: различные государства, племена и народы, не являющиеся территориально частью Китая, все же входили в ареал действия императорской силы *дэ*, где главным было не административное, а духовное взаимодействие. Буддизм ввиду своих исключительных адаптивных свойств, с одной стороны, и сходных с конфуцианскими системами ценностей и представлений о мире — с другой, стал хорошим инструментом общения Китая с периферией мира *хуа-и*³. Иными словами, потребности политической жизни того периода, а именно поддержание мира среди «варваров» посредством принципа «управлять соседними народами согласно их обычаям» [Скрынникова 1986: 73], диктовали необходимость сближения императора с тибетским ламством, прежде всего в лице Далай-ламы. Тем не менее этический аспект деятельности буддистов анализировался с точки зрения китайской системы ценностей и только затем отражался (или не отражался) в соот-

³ Как считает В. Л. Успенский, широкое распространение буддизма в Китае способствовало тому, что Халха-Монголия перешла в цинское подданство [Успенский 2004: 178].

ветствующих письмах, указах и распоряжениях. Китайская дипломатическая теория не допускала равноправия, показывая, что буддизм принят при дворе только потому, что буддийская традиция взаимоотношений «учитель — ученик» так же, как и буддийская этика в целом, отвечает политическим целям и задачам Цин.

Это противоречие отчетливо прослеживается в источниках, дающих описание визита Далай-ламы V в Пекин в 1652 г., когда были заложены основы этики взаимоотношений монархов и разграничены статусы государств по отношению друг к другу. Данное противоречие наиболее ярко отражено в статусном вопросе: в порядке составления дипломов, обозначении титулов, описании церемониала встречи и текстах официальной переписки.

Заинтересованность первых цинских императоров, прежде всего Шуньчжи (Фулинь¹, 1644–1661), в тибетском буддизме и симпатия к Далай-ламе² объясняются деятельностью его предшественников Нурхаци (1616–1626) и Абахая (1627–1643) в этом направлении. Еще до завоевания маньчжурами Пекина представители Далай-ламы во главе с монгольским Илагуксан-хутухтой прибыли по приглашению Абахая в Мукден в 1643 г. Последовавший обмен письмами, ответное посольство от императора в Лхасу, приглашение Далай-ламы в Пекин рассматриваются в китайских источниках как ключевой момент в складывании тибето-китайских отношений при воцарении Цин [Цзян Лянци 1980: VII. 25 – VIII. 3b–4a].

Визит Далай-ламы V ко двору императора

Чтобы показать значимость прибытия Далай-ламы V ко двору монголам, которые ожидали благополучного союза монархов, император Шуньчжи провел тщательные приготовления. Специально для Далай-ламы в Пекине был возведен Желтый дворец (黄色殿 *Хуансы дянь*). В официальной переписке монархов, приведенной в «Дай Цин личао шилу», говорится, что свита Далай-ламы

¹ Имена императоров Цин указаны в тексте по их девизам правления. «Шуньчжи», что означает «Благоприятное правление», — девиз правления императора Фулиня.

² Шуньчжи и монгольские князья просили Далай-ламу выслать им из Лхасы письменные инструкции монастырской жизни [Джамбадорджи 2005: 116].

состояла из более чем 3 тыс. человек. После совещания с китайскими и маньчжурскими сановниками император принял решение встретить гостя во внешних землях, чтобы не нести излишних расходов и получить возможность там же собрать монгольских князей. Намерение императора выехать на встречу лично не осуществилось из-за внутренних беспорядков [Дай цин личао шилу 1937: Чао III, цз. 68].

Момент поднесения титулов как основная часть церемонии очень важен для определения этики взаимоотношений правителей, поэтому рассмотрим его подробнее. Шуньчжи пожаловал Далай-ламу золотым дипломом, золотой печатью и титулом «Наиблагоднейший самосуществующий Будда Западного края, управляющий делами буддийского учения во всей Поднебесной, всепроникающий, несущий громовой скипетр, подобный океану лама» [Вэй Юань 1984: 104]. В китайской историографии эпизод встречи монархов имеет однозначную оценку: титул Далай-ламы «управляющий делами буддийского учения во всей Поднебесной» — *лин Тянься шицзяо* (领天下释教) подтверждал его статус, полученный при Юань. Однако также подчеркивалось, что «цинская династия — это *чжу цюань* — главная власть» [Цзанцзу цзяньши 1985: 196]. Согласно традиционному китаецентристскому подходу, статус Тибета был определен Цинами через положение Далай-ламы, прибывшего «с данью» к императорскому двору [Кузьмин 2012: 263]. Китайская версия, согласно общему характеру повествования, не придает встрече особого ритуального значения. Произошел традиционный обмен дарами — местными продуктами [Дай Цин личао шилу 1937: Чао III, цз. 170, 20a–206]. А. С. Мартынов отмечает важное отличие использованных иероглифов в описании этой встречи от тех, которые использовались для описания подобных приездов данников. Например, иероглиф, обозначающий «подносить дань» (贡 *гун*) в типичных эпизодах прибытия данников ко двору, был заменен в текстах более нейтральным (纳 *на*) [Мартынов 1978: 112].

Согласно тибетским источникам, император Шуньчжи в 1653 г. также получил титул «Наивысший, Великий владыка, бодхисатва»³ от Далай-ламы. Однако в китайских текстах этот факт не упоминается.

³ Тиб. “Namgyi Lha Jamyang Gongma Dakro Chenpo” [Shakabpa 1967: 116].

Значительные детали, показывающие отношения императора и Далай-ламы, не были указаны в тибетских документах на китайском языке. Кроме титула императора, в них нет полного описания церемонии встречи Далай-ламы, праздников в честь него и прощания перед отъездом в Тибет. Важные в символическом плане детали церемониала были опущены, ритуальный характер также минимизирован¹.

Дэвид Фаркуар приводит следующий перевод титула, поднесенного императору Далай-ламой: «Небесный бог, *Манджушри*, великий император и владыка»². Подобное обращение также встречается в письме Далай-ламы и Панчен-ламы, отправленном Абахаю в 1640 г. в ответ на его приглашение в Мукден: «Великий император, *Манджушри*». Распространение в Монголии и Тибете веры в то, что император является эманацией бодхисатвы Манджушри (кит. 文殊 *Вэньшу*), началось после того, как Далай-лама V официально предоставил императору Цин такой титул [Farquhar 1978: 34].

Сакральное и этическое в званиях и титулах

Бодхисатва Манджушри в тибетском буддизме считается воплощением высшей мудрости, он же «Хранитель рая на Востоке». Вероятно, истоки традиции почитания императоров как воплощений бодхисатвы следует искать в истории взаимоотношений монгольских ханов с тибетскими иерархами³. Хубилай стал первым правителем, признанным воплощением Манджушри. Традицию переняли маньчжурские императоры начиная с Нурхаци (1616–1626). Существует также версия, что этноним «маньчжуры» также появился в связи с этим культом [Ю Миньчжун, А Гуй 1988].

Согласно географически-космологическим представлениям монголов и тибетцев, покровителем Монголии считается бодхисатва Ваджрапани (сила Будды), Тибета — Авалокитешвара (милосердие Будды),

¹ Тексты писем правителей друг другу, опущенные в «Дай цин личао шилу», представлены в специальной публикации: [60-Point Commentary on Chinese Government Publication 2008].

² Тиб. “Gnam gyi lha ‘jam dbyangs gong ma chen po” [Farquhar 1978: 20; Grupper 1984: 72–73].

³ Дже Цзонкапа также считался одним из воплощений Манджушри [Чже Цзонкапа 1994: 29].

а Китая — Манджушри (мудрость Будды) [Успенский 2011: 189]. Примечательно, что в монгольских и тибетских источниках Китай прочно ассоциируется с Манджушри [Успенский 2011: 188].

Интересное замечание приводит В. Л. Успенский: императоры, испытывая определенное давление со стороны китайских сановников «старой школы» (конфуцианского двора), вынуждены были избегать упоминания о Бодхисатве в титулах, государственных ритуалах и законах, но активно поддерживали культ своего воплощения в качестве Манджушри среди буддийских народов — монголов и тибетцев [Успенский 2011: 192]. Особенное внимание этой традиции уделял Цяньлун (1736–1796 гг.), при котором создавали танки с изображением императора-Бодхисатвы [Кузьмин 2012: 263].

Далай-лама, согласно представлениям тибетского буддизма, является воплощением Авалокитешвары, бодхисатвы сострадания, который отказался от достижения состояния будды до тех пор, пока не поможет всем страждущим достичь нирваны.

Таким образом, Далай-лама как воплощение «Будды Западного края» и император Цин как эманация «Хранителя рая на Востоке» относятся друг к другу как духовный наставник и светский покровитель, защитник учения.

Сфера взаимоотношений обоих правителей выходила за рамки китайского официального историописания того периода. Принцип «наставник — покровитель» и почитание воплощений монархов в качестве бодхисатв наделяли Далай-ламу V особым статусом, позволяющим иметь *независимое* этическое воздействие во всей Поднебесной [Ishihama 1992: 512]. В то же время отношения между Далай-ламой и императором, сложившиеся после визита Далай-ламы V в Пекин, отличаются от существовавших между школой Сакья и монгольскими императорами династии Юань (XII–XIV). Религиозно-политический союз Сакья и Юань был наиболее близок к изначальному персонализированному пониманию принципа «учитель — ученик», где лама действительно был «учителем» императора и наставником учения во всем государстве, а император буквально считался «учеником» ламы и в то же время «покровителем учения, милостынедателем».

При династии Цин (XVII–XVIII) произошли изменения в трактовке этой связи: Далай-лама мог считаться наставником и учителем *государства* (о чем говорит его титул «управляющий буддийскими делами во всей Поднебесной»), но не учителем *императора*. Об этом говорится в надписи на стеле в Юнхэгуне — в «Рассуждении о ламах» (喇嘛说 *Ламашо*) Цяньлуна (1736–1796): «Император Ши-цзу Юаньской династии даровал титул „*го ши*“ (国师 ‘Учитель империи’) и „*ди ши*“ (帝师 ‘Учитель императора’) Пагба-ламе... Хотя Наша династия покровительствует Желтой церкви, она никогда не даровала титул Учителя императора... мы ни проявляем какое-либо предубеждение, ни желаем проявлять рабский пиетет перед священниками, (как это было) при династии Юань... Покровительство Нашего царства Желтой церкви простирается совсем по-другому. Так как монголы поклоняются Будде и имеют явную веру в лам, мы должны защищать ее только во исполнение нашей политики и распространения нашей любви к слабому»¹ [Чжоу Жуньянь]. Из трактата Цяньлуна следует, что титул *ди ши* ‘наставник императора’ никто из лам уже не получал при Цинах².

Этика взаимоотношений между Далай-ламой и императором Китая династии Цин по принципу «наставник — покровитель» претерпела значительные изменения со времени заключения религиозно-политического союза школы Сакья и монгольского хана. Новый утилитарный взгляд на отношения между ламой и императором обозначился после первой встречи маньчжурского императора Шуньчжи и Далай-ламы V и существовал до распада империи. Императоры Цин в целях легитимации власти и сохранения мира в государстве должны были поддерживать все конфессии. Несмотря на то что цинские правители уделяли большое внимание общению непосредственно с тибетскими ламами, политические интересы брали верх над религиозными и связь между «учеником» и «учителем» со временем стала ослабевать.

¹ Перевод на английский язык представлен в работе Лессинга «Юнхэгун: иконография ламаистского храма в Пекине» [Lessing 1942].

² Высшие ламы могли получать титулы *ди ши*, *го ши*, *чань ши* (‘наставник в правилах веры’) только от императора. Титул *го ши* вошел в монгольский язык в форме *гуши*, его носили знатоки санскрита и переводчики буддийских сутр [Успенский 2011: 108].

Источники

- Вэй Юань. Шэн у цзи (на китайском языке. Записки о войнах совершенномудрых императоров). Бэйцзин: Чжунхуа чубаньшэ, 1984. 567 с.
- Дай Цин личао шилу (на китайском языке. Хроника Великой династии Цин по царствованиям). Дунцзин: Жибэнь дацзан чубаньшэ, 1937. I–IV чао.
- Цзанцзу цзяньши (на китайском языке. Краткая история тибетского народа). Пекин: Сицзан жэньминь чубаньшэ, 1985. 465 с.
- Цзян Лянци. Дунхуа лу (на китайском языке. Летопись Дунхуа). Пекин: Вэньсюэ чубаньшэ, 1980. 547 с.
- Юань ши (на китайском языке. История династии Юань). Шанхай: Чжунхуа шуцзю, 1935. Цз. 58.

Литература

- Беспрозванных Е. Л.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: ВолГУ, 2001. 356 с.
- Джамбадорджи.* Хрустальное зеркало // История в трудах ученых лам. М.: Товарищество науч. изданий КМК, 2005. С. 158–206.
- Китинов Б. У.* Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.) / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Товарищество науч. изданий КМК, 2004. 190 с.
- Кузьмин С. Л.* Отношения «наставник — покровитель» и проблема статуса Тибета // Наука и буддизм: мат-лы науч. конф. с участием молодых ученых. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2012. С. 261–273.
- Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.
- Рерих Ю. Н.* Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М.: Вост. лит., 1958. С. 333–346.
- Скрынникова Т. Д.* Основные тенденции в развитии ламаистской церкви Халхи XVII – нач. XX в. // Источниковедение и историография истории буддизма. Новосибирск: Наука, 1986. С. 73–85.
- Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. 368 с.
- Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644–1911) в культурно-историческом контексте эпохи: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПб. фил. ИВ РАН, 2004. 47 с.
- Ван Чжун-ло.* Вэй Цзинь Нань Бэй чао ши (на китайском языке. История династий Вэй,

- Цзинь, Южных и Северных династий) / Чжунго дуаньдайши силе. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2003. 994 с.
- Мэн-цзы чжэн и (на китайском языке. Уточнение смысла книги «Мэн-цзы») / Цзяо Сюнь. Пекин, 1956. Т. 2. 256 с.
- Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. Т. 1. 386 с.
- Чжоу Жуньянь. Бэйцзин Юнхэгун ючжи «Лама шо» бэйвэнь сяолу каоцюань (на китайском языке. Комментарии к императорскому эпиграфу «Лама шо» на стеле в Юнхэгуне) / Сянган баолянь чэньсы [электронный ресурс] // URL: <http://hk.plm.org.cn/gnews/2011415/2011415228787.html> (дата обращения: 03.05.2016).
- Ю Миньчжун, А Гуй. Циньдин маньчжоу юаньлю као (на китайском языке. Высочайше утвержденное исследование происхождения маньчжуров). Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 1988. 386 с.
- Farquhar D. M. Emperor as Bodhisattva in the governance of the Ch'ing Empire // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1978. № 38 (1). P. 5–34.
- Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty // The Journal of the Tibet Society. 1984. Vol. 4. P. 47–75.
- Ishihama Y. A study of the seals and titles conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Narita: Naritasan Shinshoji, 1992. № 2. P. 501–515.
- Laird T. The Story of Tibet: Conversations with the Dalai Lama. N.Y.: Grove Press, 2006. 470 p.
- Lessing F. Yung-Ho-Kung, an Iconography of the Lamaist Cathedral in Peking: With Notes on Lamaist Mythology and Cult. Stockholm: Museum of Ethnography, 1942. 179 p.
- Rockhill, William W. The Dalai lamas of Lhasa and Their Relationship with the Manchu Emperors and China, 1644–1908 // T'oung Pao: Brill, 1910. Second Series. Vol. 11. No. 1. P. 1–104.
- Shakabpa W. D. Tibet, a Political History. London: New Heaven, 1967. 372 p.
- 60-Point Commentary on Chinese Government Publication: A Collection of Historical Archives of Tibet. India: DIIR Publications, 2008. 185 p.
- Sources**
- Vehj Yuan'. Shehn u czi. (Zapiski o vojnah sovershennomudryh imperatorov) [Notes on the wars of the sage emperors]. Beijing, Chzhunhua chuban'sheh, 1984. 567 p. (In Chinese).
- Dai Tsin lichao shilu (Hronika Velikoj dinastii Cin po carstvovaniyam) [The chronicle of the great Qing dynasty's reign]. Duntszin, Zhibehn' daczan chuban'sheh, 1937. I-IV chao. (In Chinese).
- Czanczu czyan'shi (Kratkaya istoriya tibetskogo naroda) [A brief history of the Tibetan people]. Beijing, Siczan zhehn'min' chuban'sheh, 1985. 465 p. (In Chinese).
- Czyan Lyanci. Dunhua lu (Letopis' Dunhua) [The chronicle of Donghua]. Beijing, Vehn'syueh chuban'sheh, 1980. 547 p. (In Chinese).
- Yuan' shi (Istoriya dinastii Yuan') [The history of the Yuan dynasty]. Shanhaj, Chzhunhua shuczyu, 1935. Cz. 58. (In Chinese).
- References**
- Besprozvannyh E. L. Lidery Tibeta i ih rol' v tibeto-kitajskih otnosheniyah XVII–XVIII vv. [The leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations in the 17–18 centuries]. Volgograd, Volgogradskij GU, 2001. 356 p. (In Russ.).
- Chzhe Conkapa. Bol'shoe rukovodstvo k ehtapam Puti Probuzhdeniy. Pod red. A. Terent'eva [A great guide to the stages of the Path of Awakening / under. edited by A. Terentyev]. St. Petersburg, Nartang, 1994. Vol. 1. 386 p. (In Chinese).
- Chzhou Zhun'nyan'. Behjczin Yunhehgung yuchzhi «Lama sho» behjvehn' syaolu kaoqyuan' (Kommentarii k imperatorskomu ehpiografu «Lama sho» na stele v Yunhehgune) [Reviews for Imperial epigraph “Lama sho”]. Syangan baolyan' chehn'sy. Available at: <http://hk.plm.org.cn/gnews/2011415/2011415228787.html> (accessed: 3 May 2016) (In Chinese).
- Dzhambadordzhi. Hrustal'noe zercalo [Crystal mirror]. Istoriya v trudah uchenyh lam [The History in the works of scientists of Lam]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2005, pp. 158–206 (In Chinese).
- Farquhar D. M. Emperor as Bodhisattva in the governance of the Ch'ing Empire. Harvard Journal of Asiatic Studies, 1978, no. 38 (1), pp. 5–34 (In Eng.).
- Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty. The Journal of the Tibet Society, 1984, vol. 4, pp. 47–75 (In Eng.).
- Ishihama Y. A study of the seals and titles conferred by the Dalai Lamas. Tibetan Studies. Narita, Naritasan Shinshoji, 1992, no. 2, pp. 501–515 (In Eng.).
- Kitinov B. U. Svyashchennyj Tibet i voinstvennaya step': buddizm u ojratorov (XIII–XVII vv.). Pod obshch. red. G. M. Bongard-Levina [Sacred Tibet and warlike steppe: the Buddhist Oirats (13–17 centuries). Under the General editorship of G. M. Bongard-Levin]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2004, 190 p. (In Russ.).
- Kuzmin S. L. Otnosheniya «nastavnik—pokrovitel'» i problema statusa Tibeta [The relationship

- of “mentor — patron” and the problem of the status of Tibet]. *Nauka i buddizm: materialy nauchnoj konferencii s uchastiem molodyh uchenyh* [Proc. of the Scient. Conf. of young scientists — Science and Buddhism]. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Press, 2012, pp. 261–273 (In Russ.).
- Laird T. *The Story of Tibet: Conversations with the Dalai Lama*. New York, Grove Press, 2006. 470 p. (In Eng.).
- Lessing F. *Yung-Ho-Kung, an Iconography of the Lamaist Cathedral in Beijin. With Notes on Lamaist Mythology and Cult.* Stockholm, Museum of Ethnography, 1942. 179 p. (In Eng.).
- Martynov A. S. *Status Tibeta v XVII–XVIII vekah v tradicionnoj kitajskoj sisteme politicheskikh predstavlenij* [The status of Tibet in the 17–18 centuries in the traditional Chinese system of political views]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 284 p. (In Russ.).
- Mehn-czy chzhehn i (*Utochnenie smysla knigi «Mehn-czy»*) [Clarification of the meaning of the book “Mencius”]. Czyao Syun’. Beijin, 1956, vol. 2, 256 p. (In Chinese).
- Rerih Y. N. *Mongolo-tibetskie otnosheniya v XIII–XIV vv.* [Mongol-Tibetan relations in 13–14 centuries. Philology and history of the Mongolian peoples. To the memory of academician B. Ya. Vladimirtsov]. *Filologiya i istoriya mongol’skih narodov. Pamyati akademika B. Ya. Vladimircova*. Moscow, Vost. lit., 1958, pp. 333–346 (In Russ.).
- Rockhill, William W. *The Dalai lamas of Lhasa and Their Relationship with the Manchu Emperors and China, 1644–1908*. T’oung Pao, Brill, 1910. Second Series, vol. 11, no. 1, p. 1–104.
- Shakabpa W. D. *Tibet, a Political History*. London, New Heaven, 1967, 372 p.
- Skrynnikova T. D. *Osnovnye tendencii v razvitanii lamaistskoj cerkvi Halhi XVII – nach. XX v.* [The Main trends in the development of the Lamaist Church Khalkha 17 – early 20 century]. *Istochnikovovedenie i istoriografiya istorii buddizma* (The source study and historiography of the history of Buddhism). Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, pp. 73–85 (In Russ.).
- Van Chzhun-lo. *Vehi Tszin’ Nan’ Behi chao shi (Istoriya dinastij Vehj, Czin’, YUzhnyh i Severnyh dinastij)* [The history of the dynasties of Wei, Jin, Southern and Northern dynasties]. *Chzhungo duan’dajshi sile*. Shanhaj, Shanhaj zhehn’min’ chuban’sheh, 2003, 994 p. (In Chinese).
- Uspensky V. L. *Tibetskij buddizm v Pekine pri dinastii Cin (1644–1911) v kul’turno-istoricheskom kontekste ehphoi. Avtoref. diss. d-ra ist. nauk.* [Tibetan Buddhism in Beijing during the Qing dynasty (1644–1911) in the cultural and historical context of the era. Abstract of Doctor’s thesis]. St. Petersburg, SPb. fil. IV RAN, 2004, 47 p. (In Russ.).
- Uspensky V. L. *Tibetskij buddizm v Pekine* [Tibetan Buddhism in Beijing]. St. Petersburg, Studiua NP-Print, 2011, 368 p. (In Russ.).
- Yu Min’chzhun, A Guj. *Cin’din man’chzhou yuan’lyu kao (Vysochajshe utverzhdennoe issledovanie proiskhozhdeniya man’chzhurov)* [Research on the origin of the Manchu]. Shehn’yan, Lyaonin min’czu chuban’sheh, 1988, 386 p. (In Chinese).
- 60-Point Commentary on Chinese Government Publication. *A Collection of Historical Archives of Tibet*. India, DIIR Publications, 2008, 185 p.

УДК 94(510)07

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДАЛАЙ-ЛАМОЙ V И ИМПЕРАТОРОМ ШУНЬЧЖИ НА ПРИМЕРЕ ИХ ВСТРЕЧИ В ПЕКИНЕ В 1652 г.

Анастасия Геннадьевна Люлина¹

¹ аспирант кафедры Всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация). E-mail: alyulina88@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одному из ключевых событий в истории тибето-китайских отношений — встрече духовного лидера школы Гелуг Далай-ламы V (Нгаванг Лобсанг Гьяцо, 1617–1682) и маньчжурского императора Шуньчжи (1644–1661), которая помогла восстановить союз тибетского иерарха и императора Китая по принципу «наставник — покровитель». Автор рассматривает события, связанные с приездом Далай-ламы в Пекин, в контексте этики религиозно-политического союза на основе материалов официальной переписки монархов, описания церемонии встреч, обмена титулами и дипломами, представленных в китайских источниках.

Ключевые слова: Цин, Тибет, этика, «наставник — покровитель», Далай-лама, император.